



ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СЛУЖЕНИЯ ЦЕРКОВНОМУ ВОЗРОЖДЕНИЮ

На актовом дне Свято-Филаретовского института впервые прозвучали слова:
«Сегодня дело СФИ – это дело всей Церкви»



Праздник начался 1 декабря с Великой вечерни в Свято-Филаретовской часовне института, после которой ректор СФИ, проф.-свят. Георгий Кочетков сказал: «Мы не планировали сейчас начинать празднование двадцатилетия института, но со всех концов мира нам шлют к актовому дню поздравления с этой датой. Я удивляюсь тому, как много люди знают о нас». Тогда же собравшимся была представлена только что вышедшая из печати первая книга из шеститомного собрания переводов православного богослужения с греческого на русский язык. Говоря об этом новом издании, содержащем как русский, так и тщательно выверенный церковнославянский текст, а также множество богослужебных указаний, легко воспринимаемых благодаря двухцветной печати, руководитель группы переводчиков о. Георгий Кочетков отметил: «Мы не хотим, чтобы в церкви были какие-то реформы. Мы не собираемся никому ничего навязывать. Но тот, кто считает нужным служить по-русски, будет это делать, даже если ему это запрещают. Я знаю множество священников, которые поступают именно так». Он также напомнил, что всё, связанное для человека с постижением «закона молитвы» Церкви, подобно пути, к которому всегда нужно относиться очень бережно. Тем не менее, очень важно, чтобы те, кто выбирает церковнославянский текст и отвергает русские переводы, имели возможность познакомиться с тем, что они по каким-то причинам отвергают.

Тема переводов прозвучала и на праздничной литургии 2 декабря в Успенском соборе Новодевичьего монастыря: в своей проповеди архиепископ Можайский Григорий напомнил собравшимся, что именно святитель Филарет явился одним из главных вдохновителей перевода Библии на русский язык. «Даже если бы он больше ничего не сделал, это

была бы его немеркнущая заслуга для Церкви. Его труды вдохновляют нас и нам помогают. Дай Бог, чтобы святитель Филарет оставался с нами как знамя нашего духовного возрождения, как пример для подражания и как учитель церкви», — сказал далее владыка. Он также высказал предположение, что если бы в трагические для России дни 1917 года жив был бы такой человек, как святитель Филарет, история могла бы пойти по-другому.

Празднование продолжилось в конференц-зале Института философии РАН, который был переполнен. Поздравив всех с днём памяти святителя и с воскресным днём, а также с тем, что актовый день и в этот раз празднуется напротив храма Христа Спасителя, где почивают мощи святителя, о. Георгий Кочетков напомнил, что 20 лет – дата очень скромная по сравнению с возрастом многих учебных заведений России и Европы. Однако, отметил он, все понимают, насколько значимо это двадцатилетие в русской истории.

Назвав наиболее известные имена авторов многочисленных поздравлений, полученных институтом в эти дни (среди них – Председатель Отдела религиозного образования и катехизации архимандрит Иоанн (Экономцев), проректор Института теологии им. свв. Мефодия и Кирилла Белорусского Государственного Университета епископ Бобруйский и Быховский Серафим, члены Попечительского совета СФИ, представители духовных, а также светских гуманитарных вузов, деятели науки и культуры), о. Георгий посоветовал на невозможность прочитать их все вслух и предложил желающим познакомиться с этими содержательными и искренними посланиями на сайте СФИ. После этого он дал слово присутствующим.

Свящ. Владимир Шмалый, проректор МДА, секретарь Синодальной богословской комиссии, передал преподавателям, сотрудникам и студентам Института благословение и поздравление от митрополита Минского и Слуцкого Филарета, председателя СБК. О. Владимир в своём выступлении также поделился личным воспоминанием о том, что именно в те годы, когда начинал свою работу Свято-Филаретовский институт, сам он, тогда еще совсем молодой человек, пришёл к вере и в Церковь. Он сказал, что в Церкви нашел свободу, нашел жизнь, истину, любовь, т.е. всё то, что освобождало, и в каком-то смысле ему стали не те, чтобы не важные катаклизмы и трудности, которые происходили в стране, — он просто легче переживал их. Когда же в стране наступила свобода, в церковь стали приходить разные люди, в том числе и те, которые скорее прибегали спрятаться от свободы, которые искали в церкви оплот если не советский, то какой-то державный, и это видение приносили в церковь. На фоне изменяющейся общественной жизни стали говорить, что в ней не хватает плюрализма, в ней не хватает свободы. Но на самом

Продолжение на с. 5

(Фото Евгения Фоминых)

МЫ ВМЕСТЕ ВЫХОДИМ В МИР, ЧТОБЫ СЛУЖИТЬ ЕГО ПРЕОБРАЖЕНИЮ

Интервью с митрополитом Диоклийским Каллистом (Уэром)

«Кифа»: Сейчас в богословии более или менее общепринятым стало экклезиоцентрическое понимание таинств. К сожалению, это понимание пока не очень воплощено в церковной жизни, в ее повседневной реальности. Часто подход к таинствам индивидуалистичен и даже становится потребительским. Какие пути выхода из этой ситуации Вы видите не только в области богословской мысли, но и в реальной церковной жизни?

Митрополит Каллист: Первое, что мне кажется чрезвычайно важным, — это чтобы христиане причащались св. Христовых Тайн и делали это как можно более регулярно. Помню, в молодости я приходил на православную литургию и там никто не причащался. Сейчас, к счастью, и в Греческой, и в Русской церкви причастие стало гораздо

Продолжение на с. 2



16 (74)

ИЗДАНИЕ
ПРЕОБРАЖЕНСКОГО
СОДРУЖЕСТВА
МАЛЫХ
ПРАВОСЛАВНЫХ
БРАТСТВ

ДЕКАБРЬ
2007

в газете использованы
материалы сайта sfi.ru
электронная версия газеты
gazetakifa.ru

в номере:



Псковский
епархиальный
совет собира-
ется судить
исповедника
веры протоие-
рея Павла
Адельгейма

Как это ни
странно,
некоторые
сотрудники

управления недолюблива-
ют о. Павла за его тю-
ремное прошлое и кон-
фликты с Госбезопаснос-
тью

С. 3-4

Вестник надежды

Вышел из печати первый
том шеститомного
собрания переводов
православного
богослужения

С. 6

Исполнилось 70 лет
со дня рождения
С.С. Аверинцева

К этой дате мы публику-
ем воспоминания
Ольги Седиковой
«Моя вторая встреча
с Аверинцевым» и раз-
мышления о сборнике
«Духовные слова»

С. 7-8

В «Миссионерском обозрении» —

новости миссии и фраг-
менты бакалаврской
работы Я. Кальнини,



посвященной
миссионерс-
кому принци-
пам митр.
Сурожского
Антония

МЫ ВМЕСТЕ ВЫХОДИМ В МИР, ЧТОБЫ СЛУЖИТЬ ЕГО ПРЕОБРАЖЕНИЮ

Продолжение. Начало на с. 1

более частым, и, прежде всего, мы подчеркиваем общинную природу таинства тем, что причащаемся св. Даром вместе. Конечно, важно также понимать и социальные последствия литургии, т. е. то, что часто называют литургией после литургии. И наше общинное понимание литургии должно быть явлено именно тогда, когда мы выходим из храма в мир, неся в себе литургический дух, чтобы служить людям. Так что Божественная литургия — это не просто выражение нашего личного, индивидуального, благочестия; она должна приводить нас к тому, чтобы мы вместе действовали в мире, совершали общее дело, в конечном итоге, литургия должна приводить к преобразению мира. Здесь можно вспомнить аналогию, которую приводил св. Иоанн Златоуст, говоря о двух алтарях: есть святой престол в храме, которому вы воздаете честь, который покрываете дорогими покровами и перед которым склоняетесь в благоговении. Но, говорит Иоанн Златоуст, есть и другой алтарь, другой престол, который вы видите каждый день, на который вы каждый день имеете возможность приносить жертвы, но его вы игнорируете и относитесь к нему с презрением. И этот второй алтарь — это бедные, страждущие, все нуждающиеся в этом мире. Таким образом, говоря о втором алтаре, св. Иоанн Златоуст подчеркивает, что социальная деятельность, деятельность милосердия, филантропии тоже имеет литургический характер. И поэтому нельзя отделять Божественную литургию от всего нашего призвания, от целостности человеческой миссии.

«Кифа»: Служение в мире невозможно без того общего служения мирян в Церкви, о котором говорил о. Николай Афанасьев, без того, чтобы участие в Еucharистии воспринималось как ответственное служение каждому, а не только священством. Есть ли это сейчас, на Ваш взгляд, в вашем приходе, в вашем патриархате? Как Вы видите ситуацию — действительно ли она изменилась в течение последних десятилетий?

Митрополит Калист: Прежде всего, я полностью согласен с вами, когда вы говорите о необходимости участия в литургии всей церковной общины, всего собрания верующих, ибо литургия — это общее дело. В Божественной литургии зрителей нет, есть только активные участники. И если у нас не будет такого всеобъемлющего восприятия литургии, то она не даст нам вдохновения на то, чтобы всем вместе активно участвовать в социальной деятельности, в церковной деятельности в мире. Что же касается нашей православной общины в Оксфорде, то я надеюсь и верю, что мы действительно вместе выходим в мир после литургии, для того чтобы служить другим. Причем служить нужно не только своим, православным, но всякому человеку, поскольку всякий человек носит в себе образ Божий. Но в этом смысле всегда есть возможность делать больше, и мы, конечно, только где-то в начале пути.

Беседовала Александра Колымагина
Синхронный перевод с английского
Натальи Кольцовой

Скончался один из старейших священнослужителей Православной Церкви в Америке протоиерей Димитрий Григорьев



В Вашингтоне на 89-м году жизни скончался почтенный настоятель Свято-Никольского кафедрального собора Православной Церкви в Америке, профессор Джорджтаунского университета протоиерей Димитрий Григорьев.

Членом Преображенского содружества и сотрудникам Свято-Филаретовского института особенно дорога его память. Во время своих приездов в Россию он сослужил с о. Георгием Кочетковым в одном из первых открытых при содействии братства храмов — Владимирском соборе Сретenskого монастыря — и участвовал в конференции СФИ, посвященной памяти свт. Стефана Пермского. С благодарностью вспоминаются его слова о том, что все увиденное в храме и на конференции вызвало у него горячую и искреннюю радость о начинающемся возрождении церкви в России.

О. Димитрий Григорьев родился в 1919 году в Англии. Его отец, Дмитрий Дмитриевич Григорьев, в дореволюционное время был вице-губернатором Архангельска, Вятки и Сахалина. В 1918 г. после ареста и побега эмигрировал вместе с семьей в Ригу, затем — в Англию.

Вскоре семья будущего священника переезжает в Японию. По окончании Гражданской войны семья Григорьевых вернулась в Ригу. Там Дмитрий закончил русскую гимназию и поступил в Богословский институт.

Будучи британским подданным, во время Второй мировой войны был эвакуирован в Австралию и с 1943 по 1944 год служил в Британском Торговом флоте на Тихом океане. В конце войны оказался в США.

Димитрий закончил Йельский университет, позже получил степень доктора Пенсильванского университета. Завершил духовное образование в Свято-Владимирской Духовной академии в Нью-Йорке. С 1959 г. читал лекции по истории русского языка и литературы в Джорджтаунском университете. С того же времени принимал активное участие в жизни православного прихода. В 1964 году стал профессором университета и проработал в этой должности до 1989 года.

В 1969 году Д. Григорьев был рукоположен в сан священника. После того, как храм свт. Николая в Вашингтоне получил статус митрополичьего собора, о. Димитрий Григорьев был назначен вторым священником. В начале 1970-х годов о. Димитрий активно проводил в жизнь регулярную практику совершения Литургии на английском языке. В 1986 году о. Димитрий был назначен настоятелем собора. С 1998 года о. Димитрий был почетным настоятелем Свято-Никольского собора.

(Фото с сайта: zarabechje.narod.ru)

Представители политической партии предложили отделить Молдавскую православную церковь от Русской

Христианская партия гуманистов Молдовы выступает за независимость Православной церкви республики от Московского и Румынского патриархатов.

Лидер партии Ион Мереуцэ заявил на пресс-конференции, что, по его мнению, это позволит разрешить конфликт, который длится многие годы между митрополией Молдовы и «Бессарабской митрополией» Румынского патриархата.

«Все мы христиане, у нас один и тот же Бог — зачем же нужно ненавидеть друг друга?» — сказал он.

По данным опросов, созданную два года назад Христианскую партию гуманистов Молдовы поддерживает около 1% населения страны. К Православной же церкви принадлежит более 90% населения республики.

Советник партии в кишиневской городской администрации священник Сергей Чиреш утверждает, что, по его сведениям, на недавно прошедшей в Болгарии встрече представителей Русской и Румынской церквей «Румынская патриархия заявила, что готова отозвать Бессарабскую митрополию из Молдовы и свои епархии отсюда при условии, что Российская патриархия согласится на независимость Молдавской православной церкви».

Однако епископ Бельцкий и Фелештский Маркелл, который был участником переговоров в Болгарии, не подтвердил эту информацию. В интервью газете «Независимая Молдова» он высказал мнение, что иерархи Румынской церкви считают Молдавию частью Румынии.

В свою очередь секретарь Отдела внешних церковных связей Московского патриархата протоиерей Николай Балашов опроверг утверждение священника «гуманиста».

«Я участвовал в переговорах в Троянском монастыре и могу со всей ответственностью сказать, что представители Румынской православной церкви не делали заявлений, на которые ссылается Чиреш», — сообщил «Интерфаксу» отец Николай.

Он также добавил, что «Православная церковь Молдовы является самоуправляемой в составе Московского патриархата, и решения, касающиеся ее внутренней жизни, принимаются на месте, а не в Москве».

Министр иностраннных дел России С.В. Лавров прокомментировал утверждение о «церковной экспансии» Москвы на канонических территориях Константинопольского Патриархата и Элладской церкви

В ходе визита на Кипр Министр иностранных дел Российской Федерации С.В. Лавров дал интервью Кипрскому агентству новостей, в котором, в частности, прокомментировал утверждения о «церковной экспансии» Москвы на канонических территориях Константинопольского Патриархата и Элладской Православной Церкви. Полный текст интервью опубликован на официальном сайте МИД РФ.

— В греческой печати, особенно в последнее время, высказываются, в частности, мнения о том, что Москва проводит некую «церковную экспансию», российские деятели предлагают строительство храмов или создание фондов на канонической территории Элладской Церкви или Вселенской Патриархии. В чем истина, в чем преувеличение и какова роль Православия в современной российской дипломатии?

— Исторически сложившаяся духовная связь русского и греческого народов — мощный фактор, оказывающий и сегодня определяющее воздействие на дружественный характер российско-греческих отношений. Более тысячи лет назад миссионеры из Византии принесли на Русь христианство, без которого немыслима сама история России. Православные ценности во многом сформировали основы российской культуры и государственности. Русская Православная Церковь традиционно поддерживает братские отношения со всеми Поместными Православными Церквями. Поэтому мы, открыто говоря, не понимаем, чем вызвана муссируемая в некоторых греческих и кипрских СМИ тема «церковной экспансии» Москвы на канонической территории Константинопольского Патриархата и Элладской Православной Церкви.

Сегодня в Греции и на Кипре нет церквей, находящихся в юрисдикции Московского Патриархата. Да и речи об этом не идет. Вызывают недоумение спекуляции вокруг планов строительства на острове Керкира часовни в честь святого Ф.Ф. Ушакова, попытки усмотреть здесь «руку Москвы». Речь идет о частной инициативе группы верующих, устремления которых, убеждены, заслуживают уважения и поддержки. С учетом особых исторических связей между Керкирой и Россией строительство на острове церкви или часовни как дань памяти прославленному адмиралу и святому было бы особенно символично. Разумеется, действовала бы она в каноническом подчинении Элладской Православной Церкви.

Еще одна группа верующих с благословения Священноначалия Кипрской Православной Церкви стремится соорудить свой храм на Кипре. Подразумевается, что и он будет под юрисдикцией Кипрской Православной Церкви.

Несколько слов о домыслах о будто бы имеющихся у нас претензиях в отношении Святой Горы Афон. Афон и Россия связаны многовековыми духовными узами. Это святое место причастно к становлению русской православной традиции: считается, что монашество на Русь пришло именно с Афона. Такое историческое наследие особенно востребовано в наши дни, когда в России происходит духовное возрождение, возвращение к духовным ценностям и святыням. Именно в этом ключе следует рассматривать визит Президента В.В. Путина на Святую Гору в сентябре 2005 года.

Для нас всех имеет большое значение сохранение исторического статуса Святой горы как многонационального центра всего православного мира. В свою очередь, Россия наращивает отношения со Святой Горой. По традиции в их основе — абсолютное взаимное доверие, единые духовные идеалы.

Общие объединяющие ценности — действенный объединяющий фактор для стран восточно-христианской традиции. Очевидно, что духовная близость наших народов может с успехом трансформироваться в практические дела, направленные на укрепление мира и стабильности, расширение взаимовыгодного сотрудничества. Попытки извне повлиять в отношении между нашими странами искусственные разногласия обречены на провал.

МИД России и Русская православная церковь помогают российской диаспоре за рубежом, защищают права оказавшихся вдали от Родины россиян. Мы — союзники в противодействии любым проявлениям расизма и ксенофобии, попыткам расколоть мир по религиозному, этническому или цивилизационному признакам. Нас объединяет общее понимание важности межконфессионального и межкультурного диалога на основе общих для всех мировых религий нравственных принципов. Рассчитываем, что на решение этой задачи будет направлена деятельность «Альянса цивилизаций», первый форум которого состоится в январе будущего года в Испании.

Мы приветствуем также инициативу ежегодно проводимого на острове Родос Мирового общественного форума «Диалог цивилизаций» с участием и представителей МИД России. Знаем о предложении епископа Киккского Никифора проводить на Кипре регулярные встречи представителей ислама и христианства. Надеемся, что оно будет воплощено в жизнь.

patriarchia.ru

ПСКОВСКИЙ ЕПАРХИАЛЬНЫЙ СОВЕТ СОБИРАЕТСЯ СУДИТЬ ИСПОВЕДНИКА ВЕРЫ ПРОТОИЕРЕЯ ПАВЛА АДЕЛЬГЕЙМА

Епархиальный совет Псковско-Великолукской епархии, который состоится в 10 часов 25 декабря 2007 года под председательством архиепископа Псковского и Великолукского Евсевия (Савина), как ожидается, будет посвящен наставлениям правящего архиерея членам епархиального суда на предмет того, как им следует рассматривать «дело протоиерея Павла Адельгейма». Разбирательство по «делу Адельгейма» намечено начать сразу после совета в 14 часов.

О предыстории этого события можно прочитать в различных номерах газеты «Ключи» (№№ 1(4), 2(5), 3(6), 17(55)), в недавно вышедшем из печати сборнике «Христианский вестник» № 4 и отчасти в тех обращениях, которые были отправлены о. Павлом и членами приходского совета на имя правящего архиерея. Вот эти обращения:

Его Высокопреосвященству
Высокопреосвященному Евсевию,
архиепископу Псковскому
и Великолукскому.

Ваше Высокопреосвященство!
30 сентября 2007 г. поступило письмо от святи. Владимира Будилина, в котором он отказывается подчиняться расписанию, требует отменить ежедневное богослужение, прекратить вечернее богослужение и угрожает устанавливать свои правила явочным порядком. Всею неделю с 29.09 по 09.10.07 он прогулял без уважительной причины.

07.10.07 г. поступило новое письмо от о. Владимира с указаниями, как настоятель должен составлять расписание. Письмо прилагается.

14.10.07 г. о. Владимир передал мне клезу, адресованную на Ваше имя. Из клезы следует, что он хочет служить один будний день в неделю и требует в

пять раз увеличить ему зарплату. Кляуз прилагаю.

С 12.10 по 28.10 о. Владимир не выходит на службу по-прежнему без уважительных причин. В течение октября несуд один ежедневные богослужения.

Вам известно, что мне приходится преподавать богословские дисциплины в Православной школе. В этом году я преподаю эклезологию в 11 классе. К каждому уроку я должен готовить новую лекцию. Мне семьдесят лет, я, служа без ноги. Отпуска не имею 15 лет. В таком возрасте непосильно служить без отпусков и выходных дней.

Еще раз напоминаю, что о. Владимир отказывается со мной причащаться и никогда не сослужит Божественную Литургию. Разрыв еucharистического общения является церковным преступлением, осужденным Апостольскими и Вселенскими правилами, которые я цитировал Вам в предыдущем письме.

Священник В. Будилин систематически нарушает дисциплину: без уважительных причин прогуливает и срывает богослужения, регулярно опаздывает к Литургии, дезорганизует приход храма слетаниями.

Прошу Вас отозвать святи. В. Будилина из храма св. Жен Мироносиц.

Настоятель храма св. Жен Мироносиц святи. Павел Адельгейм

Высокопреосвященному Евсевию,
архиепископу Псковскому
и Великолукскому

Ваше Высокопреосвященство!

Приходской Совет неоднократно обсуждал нарушения церковной дисциплины священником Владимиром Будилиным: систематические опоздания к служению Литургии, срывы богослужения, прогулы, неуважительное отношение к

Приходскому Совету и настоятелю.

Факты фиксировались актами, ставились ему на вид, подавались в Епархиальное Управление. Приходской Совет устно и письменно просил о. Владимира прекратить нарушения церковной дисциплины. За содействием мы обращались к Вам и благочинному. К сожалению, святи. Владимир по-прежнему игнорирует приходской Совет с его обращениями, не подчиняется настоятелю храма и расписанию богослужений.

30 сентября 2007 г. святи. В. Будилин подал письмо, в котором предлагает:

1. отказаться от ежедневного богослужения, освещенного многолетней традицией храма.

2. отказаться от вечерних богослужений, служить только Литургию и треб, что является грубым нарушением церковного устава.

3. отказывается подчиняться расписанию и угрожает устанавливать свои правила явочным порядком.

Приходской Совет храма св. Жен Мироносиц считает позицию, заявленную святи. В. Будилиным, неприемлемой в православном храме и поддерживает Прошение настоятеля о переводе о. Владимира в другой храм.

Просим Ваше Высокопреосвященство отозвать святи. Владимира Будилина из храма св. Жен Мироносиц.

Председатель Приходского
Совета Яковлев В.Н.
Председатель Ревизионной
комиссии Гусев П.Я.

Члены : Балакирев А.П.,
Ганюков О.В., Гуков А.Ю.,
Дурбовская Т.В., Обозный К.П.

Редакция «Ключи» обратилась
к о. Павлу за комментарием (см. с. 4)

Россия вернула себе мировое влияние, но в нравственном отношении далека от идеала, считает Солженицын

Знаменитый русский писатель Александр Солженицын считает, что Россия во многом восстановила свое влияние на международной арене, однако ее внутренняя духовно-нравственная атмосфера далека от идеала.

«В международных отношениях возвращено влияние России, место России на земле возвращено. Но внутренне мы по нравственному состоянию далеки от того, как хотелось бы, как нам органически нужно», — сказал А. Солженицын в интервью программе «Вести недели» (т/к «Россия»).

Он подчеркнул, что «еще нужно большое, трудное духовное развитие, которого одними государственными приемами, одними стандартными приемами парламентаризма не выгонишь». «Это очень сложный духовный процесс», — отметил писатель.

Говоря о том, увенчается ли этот процесс успехом, А. Солженицын сказал: «Как удасть».

Отвечая на вопрос, по-прежнему ли он считает «сбережение народа» единственно приемлемой сегодня национальной идеей, писатель подчеркнул, что это «не то что единственная, но доступная» идея.

По его мнению, к долгосрочной национальной идее общество еще не пришло. «Когда стали носиться с национальной идеей, тошно стало. Ну куда лезете, что вы лезете! Вы до нее не дошли», — сказал А. Солженицын.

По его мнению, национальная идея не может сводиться только к «сбережению народа». «Кроме сбережения, много надо: душевное развитие... Но сбережение — как первый шаг», — подчеркнул А. Солженицын.

«Интерфакс»

ОДНА ИЗ УЛИЦ В ГОРОДЕ ДЖЕРСИ-СИТИ (США) БУДЕТ НОСИТЬ ИМЯ СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА АЛЕКСАНДРА ХОТОВИЦКОГО

Одна из улиц в городе Джерси-Сити, штат Нью-Джерси, отныне будет носить имя священномученика Александра Хотовицкого, сообщает сайт Вашингтонской и Нью-Йоркской епархий Православной Церкви в Америке.

2 декабря православная общественность собралась на торжественную установку дорожного указателя, увековечивающего память священномученика Александра. От имени администрации Джерси-Сити к собравшимся обратился член городского совета Стивен Фьюлел.

6 мая 2007 года приходу святых апостолов Петра и Павла в Джерси-Сити, основанному священномучеником Александром в годы его служения в США, исполнилось 100 лет. Знаменательно, что улица святого Александра Хотовицкого появилась в Джерси-Сити в канун дня его памяти, отмечаемого 4 декабря по новому стилю.

Протопресвитер Александр Хотовицкий родился в 1872 году на Волыни. По окончании Волынской семинарии и Санкт-Петербургской духовной академии будущий священнослужитель был направлен в Алеутскую и Североамериканскую епархию, где занял место псаломщика при только что построенном храме святи. Николая в Нью-Йорке. В 1896 году был рукоположен в пресвитера и назначен настоятелем этого прихода. Его трудами вместо малого приходского храма был возведен грандиозный собор святи. Тихона, будущего Патриарха Всероссийского, отнесшегося к нему с большим уважением.

Отец Александр с успехом совершал миссионерское служение в США, главным образом, среди инуитов — выходцев из Галиции и Карпатской Руси. Ему нередко поручалось представлять Православную Церковь в американских религиозных учреждениях и собраниях. Трудями отца Александра были созданы православные приходы в Филадельфии, Юнкерсе, Панайке и других больших и малых городах Северной Америки. Под его редакцией издавался «Американский

православный вестник» на английском и русском языках.

Самоотверженное пастырское служение будущего новомученика в Америке продолжалось 18 лет. В феврале 1914 года он был переведен в Гельсингфорс (ныне Хельсинки), где нес священническое служение до августа 1917 года.

Летом 1917 года протоиерей Александр был назначен ключарем кафедрального Храма Христа Спасителя в Москве. Он принял активное участие в работе Поместного Собора 1917-1918 гг. Широко известно его прозвучавшее на заседании Собора мнение о необходимости перевода богослужения на русский язык: «Перевод безусловно необходим, ибо игнорировать верующих из церкви из-за непонимания славянского языка преступно. Даже мы, священники, знакомые со славянским языком, часто встречаемся с такими местами славянского текста, которые нам совершенно непонятны... Закрывать двери Православия отказом введения русского языка в богослужение из-за красоты формы славянского языка нецелесообразно. Примеры перевода некоторых книг за границей дали блестящие результаты. Из достоинства славянской речи еще не следует отрицание перевода книг, а равно богослужения и молитв на русский язык, ибо таким образом мы бережем золотник, а теряем пуд».

В годы гражданской войны отец Александр был одним из ближайших помощников святи. Тихона по управлению Московской епархией.

В мае 1920 и в ноябре 1921 года отец Александр подвергался кратковременным арестам. Его обвинили в нарушении декрета об отделении Церкви от государства и школы от Церкви — в преподавании Закона Божия детям.

В 1922 году, под предлогом помощи голодающим, власти проводили насильственное изгнание церковного имущества. Отец Александр организовал в Храме Христа Спасителя сбор средств для помощи голодающим; в то же время предпринимались усилия к тому, чтобы сохранить от поругания храмовые святыни. 27 ноября 1922 года начался судебный процесс

по обвинению 105 священнослужителей и мирян в том, что они «пытались удержать в своих руках церковные богатства и на почве голода свалить советскую власть». Среди главных организаторов был назван протоиерей Александр Хотовицкий. Приговор революционного трибунала оказался более мягким, чем высказанное в обвинительной речи требование смертной казни, — 10 лет лишения свободы.

После возвращения святи. Тихона к церковному управлению и ряда его заявлений о лояльности Советской власти многие из священнослужителей и мирян были амнистированы. В октябре 1923 года освободили из-под стражи и отца Александра, однако менее чем через год, в сентябре 1924, он был сослан на поселение в Туруханский край сроком на 3 года.

По возвращении из ссылки протоиерей Александр был возведен в сан протопресвитера и стал одним из ближайших помощников Заместителя Местоблюстителя Патриаршего Престола митрополита Сергия, под началом которого он ранее служил в Финляндии. В 1930 году протопресвитер Александр был назначен настоятелем Ризоположенского храма на Донской улице в Москве. Осенью 1937 года он был вновь арестован. На этом документальные сведения о нем прерываются, однако большая часть устных сообщений говорит о его мученической кончине.

Протопр. Александр Хотовицкий канонизирован на Архиерейском Соборе в Москве в 1994 году.

patriarchia.ru

(Фото с сайта: portsmouthpeace treaty.org)



Российские политологи определили степень влияния РПЦ МП на региональном уровне

Институт общественного проектирования и Институт ситуационного анализа и новых технологий (ИСАНТ) провели исследование рейтинга общего уровня политического влияния в регионах России. Его материалы включил в свою статью «Корпоративизм vs регионализм» известный политолог-регионалист, сотрудник Московского Центра Карнеги Николай Петров. Статья Петрова опубликована в издании Московского Центра Карнеги «Pro et Contra» (№ 4-5, 2007).

По состоянию на 2007 г. на первом месте оказался глава исполнительной власти губернии. Второе — третье места делит между собой спикеры региональных законодательных собраний и мэры столичных для субъектов Федерации городов.

4-ю ступеньку занимает иерарх РПЦ МП, на 5-6 расположились руководители подразделений ФСБ и главный федеральный инспектор.

«Наличие на четвертом по влияемости месте епископа, да еще рядом с ФСБ, — пожалуй, самый неожиданный результат исследования», — пишет Н. Петров. Эта «неожиданность», как объясняет исследователь, проистекает из того факта, «что из частных рейтингов представитель РПЦ фигурирует лишь в двух: во влиянии на общественные организации и на СМИ».

Кроме носителей упомянутых должностей в первую десятку регионального топ-листа вошли с 7-8 позициями глава городского парламента региональной столицы и прокурор субъекта Федерации. 9-10 места достались милиционеру и главному региональному судье.

В 2003 году, когда проводилось первое исследование в рамках данного исследовательского проекта, региональный иерарх РПЦ МП имел лишь 18-ю позицию.

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ХРАНИТ ВЕРНОСТЬ ИСТИНЕ, НЕУДОБЕН

Интервью с протоиереем Павлом Адельгеймом

«Кифа»: Известно, что в конце 60-х — начале 70-х гг. Вы пострадали за веру и пастырскую ревность (возведение храма), попали в заключение, что в заключении потеряли здоровье. Скажите, как Вы служили после возвращения из лагеря?

Прот. Павел Адельгейм: В ответ на первый из Ваших вопросов благодарная память рождает образ «земного ангела и небесного человека». Господь подарил мне счастье с детских лет узнать святую чреду земных ангелов. Ранние впечатления были отрывочными. В юности мне открылась в архиереях слава Человека. Они сознательно и невольно несли в себе образ Иисуса Христа. В те годы слово «архиерей» будило в душе светлую радость, как память о празднике. Так было до моей хиротонии в Ташкенте. Рукоположение вело меня в тесный круг общения с теми, на кого я привык издалека смотреть с благоговением. Близость не разочаровала меня. Они и в повседневности оставались небесными человеками: митр. Варфоломей, еп. Донат, архиеп. Ермоген.

Меня арестовали, когда Ташкентским архиереем был архиеп. Гавриил, из протестов, необычайно добрый и кроткий, попавший в японский тюремный подвал за свою верность Церкви и не поколебавшийся. Он был одним из трёх архиереев, рискнувших поставить свою подпись под протестом* архиеп. Ермогена в 1961 г. и не снявших её, несмотря на давление церковных и светских властей.

Когда я освободился, архиеп. Гавриил уже умер, Ташкентским архиереем был архиеп. Варфоломей (Городицкий). К нему в кабинет я пришёл прямо из лагеря. У меня ещё не было протеза, и я опирался правой кулёй на брёвнышко, привязанное к поясу верёвкой. Кто-то дал мне ясу перед входом в кабинет. Войдя, я перекрестился, поклонился иконам и попросил благословения. Владыка благословил меня, обнял и крепко прижал к себе. Ему хотелось меня порадовать, утешить и он спросил: «Ты награждён крестом?» Я сказал: «Нет». Он достал золотой крест и надел на меня.

Эта награда до сих пор самая дорогая. Она получена не за заслугу лет, а за годы испытаний и терпения. Этот эпизод дошёл до уполномоченного Совета по делам религий и вызвал его негодование. «Как Вы смели!» — кричал он на архиерея — советская власть покарала его, а Вы награждаете крестом!» Владыка претерпел много неприятностей за свой порыв. Но он продолжал заботиться обо мне, пытаясь устроить на приход.

Три месяца я служил в Ташкенте, несмотря на категорические протесты властей. Владыка уговаривал их, ссылаясь на мою молодость, трёх детей, потерянную в лагерях ногу — всё было тщетно. С горечью он сказал мне: «Я не могу тебя устроить нигде». Он дал мне письма к своим друзьям-архиереям других епархий, и я поехал искать пристанище. Везде меня принимали с любовью, везде говорили шепотом, оглядываясь по сторонам. Давали деньги, помогали советом, но принять не могли. Был я в Патриархии. Обошлись со мной ласково, тоже дали денег, но не смогли устроить.

Самым гуманным учреждением оказалась Лубянка. Написал я заявление Андропову: «Если мне нет места в СССР, расстреляйте меня». Чиновник с Лубянки заверил меня, что архиерей меня просто не понял и, вернувшись в Ташкент, я получу приход. Они меня не обманули. Владыка встретил меня с большой радостью: — Ну, где ты там эдишь по столикам! Я тебе уже приготовил приход. Куда бы ты хотел?

— Обрато в Бухару.
— Это, к сожалению, невозможно. Поезжай в Фергану.

В Фергане много лет служил о. Борис Холчев, наш духовник. Для храма преп. Сергия в Фергане писала иконостах духовная дочь о. Бориса, М.Н. Соколова.

Приход принял меня с любовью, я напоминал им о. Бориса интонациями и манерами, которые невольно перенял от о. Бориса, подражая ему в годы совместного служения. В Фергане я прослужил

два с половиной года. Это были годы борьбы за приход с уполномоченным Рахимовым. Приход устоял, но мне пришлось уйти из Ферганы. Владыка перевёл меня в Краснодарск, опасаясь, что у меня отнимут регистрацию. Спустя год я получил приглашение от митр. Леониды (Полякова) и уехал в Латвию.

Владыка Леонид принял меня в Рижском монастыре, где тогда находилась его кафедра. Он накормил меня обедом, а потом мы пили чай, он интересовался моей судьбой, семьёй, детьми и проблемами. Назначение я получил в Алуксне. Там был вновь отстроенный дом, который нуждался в капитальном ремонте. Владыка дал мне значительную сумму денег для ремонта дома и благоустройства храма. В Алуксне я прослужил около года. За это время Владыка дважды навещал меня.

«Волга» остановилась у нашего крыльца неожиданно, и в проёме оказалась высокая фигура митрополита. Вера бросилась захватывать в кладовку Кару — огромного ньюфаундленда, чтобы она не испугала архиерея, но владыка воскликнул: «Что Вы делаете? Разве можно тащить в кладовку такую красавицу?» Кара благодарно облизала его руки и положила лапы на плечи. Потом она легла у его ног, пока мы пили чай и беседовали. Владыка посетил храм. В алтаре раскрыл антиминс, посмотрел как хранятся св. Дары, миро, крестильный ящик. Узнав о приезде архиерея, собрался народ. Владыка всех благословил, спрашивал, по служил молебен и поехал дальше навещать следующий приход.

Мне часто приходилось бывать в Риге. Владыка всегда привечал, устраивал на ночлег, кормил обедом, а главное, всегда дарил своё живое общение. Он был доктором церковной истории, а по мирской специальности врачом, и беседы с ним были содержательны.

Мне довелось посетить его на даче в Дубулты. Там мы познакомились с поэтессой серебряного века Н.А. Павлович, наперсницей А. Блока. Наша дружба сохранилась до её смерти.

Из Алуксне мы уехали во Псков. Владыка сделал для меня последнее доброе дело. Как ни трудно ему было отпускать священника — в пастырь Рижской епархии был дефицит — он ушёл мне обстоятельству и отпустил без слова упрека.

Так с сентября 1976 года началась моя Псковская эпопея. Около десяти лет я прослужил при митр. Иоанне. Он был очень стар, выходил редко и видел я его несколько раз. Потом в Псков назначили митр. Владимира (Котлярова). Это было начало перестройки, время удивительно, бурное и его описание должно быть предметом отдельной повести.

«Кифа»: От некоторых из Ваших прихожан приходилось слышать, что то, о чём Вы написали в заявлении, — лишь верхушка айсберга, что отношение второго священника к Вам переходит все пределы дозволенного в отношениях между людьми, вплоть до подножек и пр. Мы понимаем, что такое поведение возможно лишь потому, что человек чувствует себя совершенно безнаказанным. Так ли это? Возможен ли выход из такой ситуации? Каким путем?

О. Павел: О втором священнике храма св. Жен Мироносиц мне говорить трудно. Мы служим в одном храме, но лично встречаемся только случайно, не чаще одного — двух раз в год. О. Владимир поддерживает «общение» со мной письмами скандального содержания. Одно время я пытался объясниться с ним и отвечал на письма. Он отказался читать мои письма: «Я это читать не буду», и возвращал, не распечатывая.

Мои заявления касаются вершины айсберга. Самое печальное — от его духовного руководства страдают и даже погибают люди. Расскажу историю, которая завершилась весной этого года. Имя я изменил.

Отец Сисой всегда окружён почитателями. Они роятся вокруг него и млеют.

Эти отношения очень похожи на отношения фанатов к своим звёздам и бодельщикам к своей команде. Время от времени происходят разрывы: группа почитателей уходит от своего Пастыря.

Иногда это происходит тихо и незаметно: пять-шесть прихожан начинают ходить в другой храм. Чаще это бывают молодые женщины, которые несколько лет ухаживали за ним, готовили пищу, стирали, носили его тяжёлые сумки.

Отношения рвутся регулярно и болезненно. Идёт божественная Литургия. После «Отче наш» отец Сисой по своему обычаю выходит в притвор беседовать с почитателями. Тишина не нарушена, но о. Сисой высказывает красный и в гневе идёт продолжать Литургию. На следующий день говорит уборщице: «Если завтра придёт Мария, вызови милицию».

На следующее утро 30 ноября 2006 г. о. Сисой служит Литургию. Мария пришла к началу службы и стояла в притворе. О. Сисой увидел её, когда вышел после «Отче наш» на беседу. Он прошёл мимо и спустился в Ильинский придел. По пути сказал свечнице: «Жми тревожную кнопку». Свечница опустила голову, но кнопку не нажала. Следом подошёл диакон:

— Тебе же сказал о. Сисой! Жми на кнопку.

— О. диакон, нажмите сами.

— Нет. Ты тут работаешь, ты и нажимай.

— Мария же ничего плохого не делала. Стояла и молилась.

— Тебе священник приказал. Слушайся. О. Сисой — батюшка, она — никто. Нажимай.

Свечница подчинилась и нажала кнопку. О. Сисой дождался приезда ОМОНА в придел, чтобы не встретиться со своей почитательницей. Его беседа с милицией осталась в секрете. Милиция вывела провинившуюся фанатку и увезла в отделение. О. Сисой вернулся в Алтарь и продолжил Литургию. После службы поехал в отделение и написал заявление. Марию продержали несколько часов в обезьяннике и оштрафовали на 500 руб. за «нарушение порядка в храме, нецензурную брань и воспрепятствование богослужению». Милиция поверила о. Сисое, не опросила свидетелей. Постановление о задержании и штрафе было вынесено на основании подписи о. Сисоя и обоих милиционеров.

Через несколько дней Мария снова пришла в храм. К о. Сисое не подошла, стояла в стороне, молилась. О. Сисой подошёл к свечнице и зашептал: «Жми на кнопку, она снова здесь». Свечница низко опустила голову: «Я не могу, она ничего плохого не делает». Поняв, что происходит, Мария подошла к о. Сисое и сказала: «О. Сисой, Вы сплетник и подлец» и вышла из храма. Через несколько дней её подобрала «скорая». У неё случился эпилептический припадок. Пожили в больницу, обнаружился рак. Болезнь развивалась стремительно. В начале января её поместили в хоспис. «Кто-то» услышал и исполнил «чёрную молитву» о. Сисоя.

Репутация «чудотворца» крепнет среди псковских прихожан.

Свечница долго колебалась, но всё же рассказала о. Сисое, что Мария умирает в хосписе и надо бы к ней сходить для примирения. Внимательно выслушав, о. Сисой сказал:

— Я знал, что так будет. Видишь, как её Бог наказал! Делай выводы.

— А Вы не чувствуете за собой вины? Вы сказали неправду. Мария даже не входила в храм, стояла около меня в притворе, молилась и не могла Вам мешать.

— За мной нет вины. Бог наказал её, значит она виновата. За о. Тихоном женщина бегала, так её машина сбита насмерть. Бог защищает своих от грешниц.

— Я считаю себя виноватой, сходила к ней в больницу, попросила прощения.

— А в чём ты виновата?

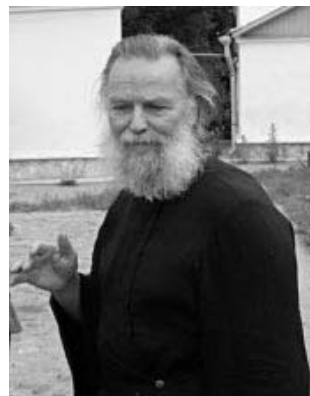
— На кнопку нажала, вызвала ОМОН.

— Ты выполняла моё послушание. Если бы не послушала, была виновата.

— А как же любовь к людям? Разве не надо её пожать и навещать, пока жива?

— Пусть каётся, может, Бог простит, а не покается — умрёт не прощённая.

Мария умерла в Великую Пятницу. Последние месяцы она причащалась каждую неделю, и постепенно мир вошёл в её душу: «Я простила о. Сисое и



даже позвонила ему и попросила прощения. Но он бросил трубку. Пусть его Бог простит».

«Кифа»: Нам приходилось слышать от некоторых исповедников 70-х гг., что сейчас в церкви их свидетельство, так же как и их опыт, не признаётся и не принимается. Много говорят лишь о новомучениках 20-х — 30-х гг., а исповедников более позднего времени называют «церковными диссидентами» (например, в учебнике о. Владислава Цыпина). Как Вы считаете, с чем это связано? Что мы теряем в результате этого?

О. Павел: Меня тоже удивило, что неприязнь ко мне некоторых священников Псковского Епархиального управления была вызвана моим тюремным прошлым и конфликтами с Госбезопасностью. Меня там откровенно называли: «Ну вот, пятая колонна пришла».

Уже теперь, в 2000-е годы, в церковных кругах меня обзывали «американским агентом». Тех, кто не дружил с советской властью, до сих пор многие не любят. Церковных мучеников смешивают с политическими, поскольку судьба у них была одинакова.

Одну из причин неприязни к исповедникам и мученикам последних десятилетий объясняет А.С. Пушкин: «Они любить умеют только мёртвых». И Пушкин не первый. Господь Иисус Христос говорил: «Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что строите гробницы пророкам и украшаете памятники праведников, и говорите: «если бы мы были во дни отцов наших, то не были бы сообщниками их в протитии крови пророков». Таким образом вы сами против себя свидетельствуете, что вы сыновья тех, которые избили пророков. Дополняйте же меру отцов ваших» (Мф. 23: 29-32). И они дополнили, распяв Сына Божия.

Во-вторых, человек, который хранит верность истине, принципиальный в словах и поступках, обличает конформизм фактом своего существования. Такой человек неудобен и от него следует избавиться. Прославляя древних подвижников и мучеников, мы приобщаемся к их славе даром, «на халюву». Прославляя современных нам праведников, подчёркиваем собственную несостоятельность.

Ходить бивает склизко по камешкам иным, итак, о том, что близко, мы лучше умолчим...

— объясняет автор «Истории государства Российского». Приспосабливаемся цинично. Зачем нам звание героев помертво? Гораздо лучше хвалить начальство и есть хлеб с маслом.

Теряем мы при этом свойства образа Божия в человеке: честь, совесть, благородство, бескорыстие и великодушие, то есть расчеловечиваемся и обретаем образ звериный.

Вопросы задавала
Александра Колымагина

* Подробнее об этом можно прочитать в письме прот. Павла Адельгейма членам Св.-Петровского братства. «Как перейти от критики к действию». Кифа N 5/6 (20/21), 2004

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СЛУЖЕНИЯ ЦЕРКОВНОМУ ВОЗРОЖДЕНИЮ

На актовом дне Свято-Филаретовского института впервые прозвучали слова: «Сегодня дело СФИ – это дело всей Церкви»

Продолжение. Начало на с. 1

деле мне кажется, сказал о. Владимир, что это не так, и мне всегда представлялось удивительное пространство, в котором соседствовали самые разные силы, самые разные направления. Мне кажется, что это тем более не так сегодня, продолжил он. Я думаю, что сегодня именно Церковь – то пространство, в котором существуют самые разные взгляды, самые разные силы. И я хотел бы от себя лично выразить Вам, отец Георгий, в первую очередь, и Свято-Филаретовскому институту – всем вам, членам большой семьи, благодарность за то, что вы существуете. Вам пришлось во многом пережить очень тяжелые времена. Вы пережили их мужественно. И сам факт вашего существования является очень важным символом церковной свободы и многообразия. Мне кажется, что не просто какие-то внешние обстоятельства, но сама логика церковной жизни показала, что так и должно быть. Что не должно быть так, чтобы какая-то одна доминирующая сила подавляла все остальные, приводила все к единообразию. Должно быть многообразие. Конечно, многие, и я в том числе, не скрою, не совсем согласны со стилем и некоторыми формами вашей жизни. Но это нормально. Мы должны сосуществовать, мы должны спорить, должны любить друг друга в этой инаковости, и в этом сила Церкви. Сила Церкви в ее любви, умении понимать, в умении сосуществовать друг с другом и слиться в единое Тело. Я желаю вам от всего сердца помощи Божьей, и Вам, о. Георгий, – здоровья и сил!

Вслед за о. Владимиром слово взял один из активнейших сотрудников Миссионерского отдела МП, представитель Белгородской семинарии свящ. Димитрий Карпенко. Он сказал: «Дорогой о. Георгий, дорогие отцы, братья и сестры, все учащие и учащиеся Свято-Филаретовской духовной школы! Позвольте передать вам слова поздравления Высокопреосвященного архиепископа Белгородского и Старооскольского Иоанна, председателя Миссионерского отдела Московского патриархата и ректора Белгородской православной семинарии с миссионерской направленностью, с вашим активным днём, днём памяти свт. Филарета Московского и передать слова благопожелания владыки в ваших воинственных миссионерских трудах, которые вы совершаете на благо и во славу нашей святой Православной церкви». О. Димитрий отметил, что двадцать лет – это действительно время, когда нужно подводить некоторые итоги, посмотреть назад в прошлое и, исходя из этого, делая выводы, смотреть в будущее. Сегодня мы видим, сказал он, что те труды, которыми занимается СФИ, становятся делом всей Церкви. Продолжая эту мысль, он также сказал: «Сегодня, когда принята Концепция миссионерской деятельности РПЦ, к составлению которой Вы, о. Георгий, также были причастны, когда совершаются поездки по всем епаршиям, различным духовным школам нашей церкви, становится видно, что то, о чём вы говорили, то, чем вы занимались все эти 20 лет, становится делом общецерковным. Вопросы, связанные с возрождением оплашения, с возрождением ев-

с Синопсальной богословской комиссией, с теми людьми, которые хотят трудиться для одной и той же цели – для возрождения церкви, для того, чтобы она обрела всю полноту благодати, которую Господь всегда ей даёт, но которую мы не всегда оказываемся способны в нужной мере принять».

С поздравлениями в адрес института также выступили ректор РХГА Д.К. Бурлака, особо отметивший присущий институту творческий консерватизм и стремление к выявлению в своей жизни богочеловеческой синергии, член Попечительского совета СФИ профессор А.А. Красиков, начавший свое выступление с констатации того, что институт «занял уникальное место в сфере духовного образования и идёт вперёд семимильными шагами», и кинорежиссер А.С. Смирнов, который выразил глубокую благодарность «за существование вашего братства, вашего института, за обилие прекрасных, освещённых светом любви, светом духовности лиц». «На ваших лицах отдыхает мое сердце, – сказал он, – и в них я вижу надежду».

В этих и многих других поздравлениях, прозвучавших и дальше в течение встречи, звучала мысль о том, как важно в наши дни сохранить тот уникальный дар духовной свободы, который многие связывают с именем и служением Свято-Филаретовского института. О том, как это непростое, напомним присутствующим один из последователей о. Александра Меня – журналист и социолог В.И. Илюшенко.



Отчётный доклад учёного секретаря СФИ проф. А.М. Копировского закончился (после многочисленных и очень обнадеживающих цифр) выдержанными не совсем в сухом отчётном жанре словами: «Вступив в 20-й год своей жизни, институт едиными устами и единым сердцем всех учащихся, учащихся и трудящихся в нём благодарит Бога, «призвавшего нас из тьмы в чудный Свой свет», и уверенно смотрит в будущее, надеясь на Сына Божия, Господа Иисуса Христа, «в Котором сокровы все сокровища премудрости и ведения».

После небольшого фильма, посвящённого истории Института, прозвучала актовая речь зав. кафедрой богословских дисциплин и литургии, канд. филол. наук Д.М. Гэгзяна, посвящённая теме «Таинство священства, всеобщее священство верных и опасность богословского автоматизма».

В заключение вечера студенты, выпускники, а также учащиеся Богословского колледжа обратились со словами благодарности к преподавателям и сотрудникам института.

Завершая празднование, о. Георгий Кочетков обратился ко всем его участникам со словами: «Я очень рад, что этот активный день получился какой-то по-особому тёплым и неформальным. Мне бы очень не хотелось «официальных» юбилеев, которые бывают не всегда глубокими и не вполне искренними. Сегодня же здесь собрались как раз те, кто действительно учит, учится, работает в СФИ и просто наши настоящие друзья. Ещё и ещё раз всем большое, большое спасибо!»

В заключение нам хотелось бы привести фрагменты тех поздравительных писем, которые пришли в эти дни в Институт. Вот что пишут об СФИ и что желают ему его друзья:

Кирилл Сологуб, член исполкома СИНДЕСМОСА: «Могу сказать, что искренно верю в то, что ваша многолетняя работа уже показала знаки обновления церковной жизни в вашей стране. Желаю вам успеха! Да укрепит вас Господь, даст вашему Институту сил для продолжения служения Церкви и воспитания в духе открытости, возрождения и верности Традиции».

Священник Андрей Дудченко: «За эти годы институт стал широко известен. Ваша деятельность, на мой взгляд, безусловно полезна. Радует то, что сотрудники и преподаватели института во главе с ректором поднимают наиболее важные темы церковной жизни и не боятся открыто их обсуждать».

Журналист, телеведущий, литератор Александр Архангельский: «В нашем мире все меньше ценится ответственная свобода, и все чаще торжествует маргинальная смелость рушить все подряд – или безответствен-



ный страх. Перед властью, перед жизнью, перед Провидением, которое воспринимается как слепая сила, казнящая правых и неправых, но зато милующая послушных. Спасибо за то, что вы не отказываетесь от следования, которая и есть один из полноценных залогов любви».

Особенно теплые пожелания прозвучали от членов Попечительского совета СФИ. Вот некоторые из этих поздравлений:

Епископ Серафим (Сизрист): «Если мы знаем нашего Бога как изреченное Слово, выраженное в Писании и в Личности Иисуса Христа, как и во всем Его творении, тогда принятие слова и передача его другим – это акт познания через созерцание и научение, совершающийся в атмосфере веры и молитвы. Тогда этот акт учебы обретает таинственные признаки Царства, и именно это, явленное и выраженное в 20-летней работе Свято-Филаретовского института, делает ваш труд вдохновенным для всей Церкви и лучшим наделом для всех нас».

Архимандрит Августин (Никитин): «Мы помним те трудные времена, которые мы переживали совместно в глупе 80-е. И теперь, когда «оковы тяжкие» пали, я рад приветствовать вставший на ноги и переживший бури гонений Свято-Филаретовский институт. Желаю институту и его возглавляемым долгих лет жизни и процветания, крепости и сил для служения Церкви Христовой».

Свящ. Павел Адейгейм: «Свято-Филаретовская школа служит просвещению, сохраняя дух Христовой свободы, «стоять» в которой заповедует апостол Павел. Дай Бог вам окормлять многие поколения через катехизацию, обучение и миссию, сберегая обе великие ценности – ученичество и свободу во славу Божию».

Профессор Жорж Нива (Франция): «Свято-Филаретовский институт многим на Западе, и мне в особенности, дорог, он один из наивсветлейших очагов живой христианской веры в этом порой тяжёлом мире. Он светит, он радует, и Вашей стране он особенно нужен, необходим сейчас – как был вчера, как будет завтра. Без него трудно себе представить христианскую веру в России сегодня. Он и образец толерантности при верности правде, открытости миру при стойкости веры. Я очень, хотя издали, ощущаю радость, которую он, как и все его друзья и «филиалы» по всей России, распространяет. При скромных наших стараниях здесь, во Франции, в другой христианской традиции, я часто думаю о вас, как о примере для всех. Могу только сказать – спасибо вам, и да благословит вас Господь».

Дон Патрик де Лобье (Париж и Женева): «Сейчас в России Свято-Филаретовский институт свидетельствует о том, что христианство – это правда (istina), свобода и мужество. После двадцати лет маленькое горничное зерно стало деревом, и красивым деревом. Культура и духовность шли вместе. Приходит время, чтобы развивать отношения между Свято-Филаретовским институтом и многими такими же институтами за границей. Вот добрая весть из России: свет приходит с Востока!»

Проф. д-р Карл Христиан (Василий) Фельми (Германия): «В истории Церкви 20 лет не слишком долгое время. Но после страшных гонений на Церковь, во время которых нельзя было и думать о богословских школах в виде Вашего института, эти 20 лет являются временем, полным важных событий, временем многих надежд, но и временем многих разочарований. Вы и Ваш институт пережили не слишком простое время. Но милостиво Божией Ваш институт пережил их... Желаю Вам помощи Божьей в продолжении Ваших трудов, процветании института и спокойствии, без которой серьезная научная работа невозможна».

Проф. Е.М. Верещагин: «Для Института действительно характерно «лица необие выражение», и из многогрешный, от души желаю Вам, о. ректор, учащим и учащимся сохранить и преумножить это своеобразие. Оно, несомненно, производно от созвучности новых богословских идей и преподавательских методик духу и запросам эпохи. Если раздаётся критика и громыхает пальба, это и есть знак, что найдена своя дорога. Впрочем, вижу и предвижу, что Институт вступил, вступает в пору всеобщего признания своих заслуг: его выдающееся место в российском православии едва ли может быть оспорено».

Окончание на с. 8

(Фото Евгения Фоминых)



характеристической жизни, с правильным пониманием богослужебного языка сегодня становятся вопросами, о которых говорят все. Слава Богу, что у большинства людей сейчас есть правильное понимание этих вопросов. И, конечно же, дорогой о. Георгий, это во многом Ваша личная заслуга, несмотря на то, что вам пришлось пережить множество различных искушений. Искушения, конечно, продолжаются, они будут продолжаться в течение всей нашей жизни, но мы видим, что те труды, которыми вы занимаетесь – не напрасны. Сегодня дело СФИ – это дело Церкви. Поэтому позволю ещё раз Вас лично и всех причастных к этому учебному заведению поздравить с днём памяти свт. Филарета и снова и снова пожелать вам всесовершенной помощи Божьей в тех трудах, которые вы совершаете. Спасибо большое!»

О. Георгий выразил искреннюю благодарность не только за прозвучавшие добрые слова, но и за складывающееся в последние годы «живое и свободное сотрудничество как с Миссионерским отделом, так и



«Кифа»: Чем объясняется такой живой интерес к только что вышедшему из печати первому тому нового издания переводов православного богослужения? Первый вопрос, который встречаешь, когда говоришь о нем — это где купить. Почему? В чём может быть для современного человека мотив в чтении или использовании такого перевода?

Свяц. Георгий Кочетков: Это на самом деле понятно. Просто-напросто есть большая потребность лучшего восприятия, понимания того, что происходит в храме, что происходит на молитве. Ведь все люди, даже если рационально они не очень застроят своё внимание на содержании богослужения и «законы молитвы» церкви, все равно интуитивно ощущают, что им «не хватает слов» для выражения своей духовной жизни, для выражения своих мыслей. Людям надо, вообще говоря, та раздвоенность, которая навязывается нынешней ситуацией каждому верующему. Мало того, что богословие обрело какой-то свой почти что жаргон (богословие требует очень терминологически обусловленной речи), но то же самое происходит и с молитвой! Естественно, это не может не отражаться на жизни людей, начинающих считать, что христианство связано прежде всего с какими-то совершенно особыми формами, особыми знаковыми вещами. Именно поэтому многие думают, что христианская жизнь может осуществляться лишь профессионально в сфере священнослужения, или где-нибудь в монастыре, или только как функция на приходе, в каком-нибудь епархиальном управлении или ином патриархальном учреждении или, в крайнем случае, в современных церковных СМИ, которые тоже будут говорить на каком-то своём, совершенно оторванном от жизни языке. И людей эта раздвоенность не устраивает. Поэтому совершенно естественно, что когда речь заходит о целостности жизни, встаёт проблема языка богослужения — языка, на котором христиане готовы общаться и друг с другом, и с Господом Богом. Так как здесь нет целостности и даже полной выявленности этого опыта и церковной традиции, то и возникает большой интерес к богослужению на нормально современном языке.

«Кифа»: То есть это не чисто миссионерский вопрос?

О. Георгий: На мой взгляд, именно в силу запущенности и остроты проблемы внутреннего единства церковной жизни это, конечно, в первую очередь внутрисоборный вопрос, а потом уже миссионерский. Будь ситуация иной, это был бы прежде всего вопрос миссионерский, тогда можно было бы сказать, что важно лучшее понимание христианства людьми внешними. И, действительно, миссионерский аспект существует, потому что церковь не понимается людьми, и поэтому люди часто совершенно фантастически, просто фантастически относятся к церковной традиции, к христианству, к истории церкви, к современному состоянию духовной жизни и т.д.

«Кифа»: Вы говорили, когда представляли сборник, что очень часто предложения по улучшению переводов, которые Вам присылали, свидетельствовали о том, что люди совершенно не понимают настоящий смысл молитвы, и что это только подтверждает Ваши впечатления о том, что в настоящее время богослужение остаётся во многом закрытым для человека. Не могли бы Вы привести один-два примера?

О. Георгий: Когда мы перевели всё-таки «Сподоби» как «Удостой нас», это было восприятие некоторыми очень агрессивно, потому что они совершенно не воспринимали «Сподоби, Господи» как «Удостой нас, Господи»...

«Кифа»: «Сподоби», несомненно, воспринимается всеми, как «дай, подай».

О. Георгий: И таких вещей необыкновенно много. Так, «упование» не воспринимается как «надежда» и т.д. Удивительно, насколько современные люди не воспринимают подлинный смысл текстов. И когда в переводе он выявляется, это как бы обманывает их ожидания, ведь они себе уже что-то напридумывали совершенно другое.

«Кифа»: Это пятое издание, пятый вариант перевода. Насколько существенны различия этого варианта и предыдущего? Они касаются отдельных слов, оборотов или текста в целом?

О. Георгий: Сейчас мы как бы подвели итог многолетним переводам только с греческого языка, не говоря о том, что до этого были многочисленные варианты переводов с церковнославянского, где тоже происходил поиск и стили, и вариантов перевода. Было много трудных мест, которые прежде мы иногда сознательно оставляли в каких-то промежуточных вариантах. И вот сейчас удалось всё-таки снять все эти вопросы и найти те формы, которые нас устраивают. Это касается и общей композиции построения молитв, и сохранения форм звательного падежа, и многого другого.

Один небольшой пример: есть определенная сложность перевода на русский язык греческой конструкции, состоящей из длительного, объёмного вступления в начале молитвы, как бы обращения к Богу, которое включает элемент анамнесиса — Ты, Господи, Кто-то сделал когда-то то-то и то-то, согласно Священному Писанию, Ты же и ныне сделай то-то и то-то. В славянском это переводится как «Сам Господи, соверши... Сам и ныне сделай...». Мы ушли от этого «Сам и ныне», и перешли к конструкции «Ты же, Господи, и ныне». Это очень важно было прове-

ВЕСТИК НАДЕЖДЫ

сти через все основные молитвы, содержащие в греческом языке соответствующую конструкцию. Тем более, что это позволило в первой части молитвы уйти от причастных форм глагола с их неприятными шипящими.

«Кифа»: Были ли ещё какие-то запомнившиеся открытия или находки — переводческие, богословские, экзегетические? Что нового открыл текст в ходе работы над этим изданием?

О. Георгий: Таких вещей очень много — ритмических, поэтических и терминологических. В ходе перевода шли уточнения разных понятий, которые позволили вскрыть настоящий смысл молитв. Это очень важно. Кроме того, мы, конечно, продолжали исследования историков, филологов и литургистов, потому что нам было важно уяснить, где более поздние исторические добавки искажали первоначальный смысл, а где история, наоборот, обогащала традицию. Ведь история — это всегда двойственный процесс: с одной стороны, искажение, забвение, потери, с другой стороны, наоборот, развитие. И нам очень важно было выявить и то, и другое. Конечно, многие филологи и литургисты уже здесь поработали до нас, прежде всего греки — профессор Фундулис и профессор Трембелос у греков, в западном мире это, прежде всего, Роберт Тафт и Михаил Арранд. Это очень крупные имена, эти люди много делают и делали, некоторые уже, к сожалению, почил. Они ввели в научный оборот очень много критических текстов, их труды позволяют обобщать традицию в целом в разных её изводах, вариантах, в разных церквях, в разные эпохи, выстроить единую линию литургического развития церкви, понять традицию как нечто целостное, единое и на Западе, и на Востоке. Это огромный объём



Переводческая группа за работой. 2005 г.
Слева направо: Кирилл Мозгов, свящ. Георгий Кочетков, Николай Эплев, Борис Качев

работы. И мы, слава Богу, нашли какой-то, как мне кажется, наиболее приемлемый вариант того, как мы можем раскрыть нашу богослужебную традицию, существующую на сегодняшний день, именно в свете этого единого исторического процесса, где, с одной стороны, надо восстанавливать традицию, очищать ее от искажений, а с другой стороны, не упускать ничего из того положительного, что дала церковная история.

«Кифа»: Каковы здесь критерии «положительности» и «отрицательности»?

О. Георгий: Есть дух и смысл богослужения, дух и смысл той или иной молитвы, её место в традиции. Всё это оценивает литургия, а литургия, слава Богу, сейчас достигает довольно хороших результатов, она наконец-то к началу XXI века обрела довольно определённые черты, благодаря, в частности, тем исследователям, которых я назвал. И у нас тоже есть хорошие исследователи, прежде всего, если не брать дореволюционных, это в первую очередь Николай Дмитриевич Успенский.

Есть и переводческие опыты, дореволюционные и современные, которые мы в отдельных местах использовали, потому что не всегда нам самим удавалось найти лучший вариант. И имею в виду, допустим, литургические переводы киевских, мниских переводчиков, да и московских тоже.

«Кифа»: На круглом столе «Церковно-практические аспекты православной сакраментологии», который проходил в последний день конференции СБК, посвященной таинствам, высказывались разные мнения в связи с проблемой необходимости перевода богослужения. В частности, дьякон Владимир Васильев из СПбДА сказал, что для наших современников уже непонятен язык Пушкина. А на какие языковые нормы русского языка ориентировались вы?

О. Георгий: Мы ориентировались на язык, как кажется, наиболее традиционный, наиболее близкий к церковнославянскому...

«Кифа»: ...то есть Вы всё-таки ориентировались в основном на язык, условно говоря, эпохи Пушкина?

О. Георгий: Я бы так не сказал. Мы всё-таки ориентировались на современный язык, но на современный язык в его «высоком изводе». Мы хотели бы говорить в молитве на таком языке, который можно было бы назвать современным литургическим русским языком. Это не будет равно языку Пушкина, это нечто более современное, с одной стороны, а с другой, более связанное с древним языком и с церковнославянским языком. Мы с удовольствием оставляли славянские там, где их можно оставить, где мы видели, что они воспринимаются современным ухом адекватно. Там же, где они не воспринимаются, пусть даже это были красивые формы, мы старались от них избавиться.

«Кифа»: В этом смысле Вы считаете, что «упование»...

О. Георгий: «Упование», например, это явно слово хорошее, мы где-то его сохраняли — например, в Великом Славословии — но во всех остальных случаях мы старались от него уйти, потому что оно, увы, плохо воспринимается современным ухом, т.е. плохо именно по смыслу. Люди не могут перевести это слово адекватно.

Кирилл Мозгов: Когда мы говорим о том, на какие языковые нормы ориентированы наши переводы, мы прежде всего вспоминаем опыт С.С. Аверинцева, который не боялся для своих переводов использовать все богатство современного русского языка, включая и устаревшую, и малоупотребимую сегодня, но понятную культурному человеку лексику. Ведь язык наших переводов — это, конечно, не язык Пушкина, но это и не тот современный язык общения, который мы слышим на улице или встречаем в прессе или Интернете. Нашей задачей было создать современный русский литургический язык, основанный на высших образцах стиля русского литературного языка с учетом традиции церковнославянского.

О. Георгий: Мы использовали как раз скорее, может быть, опыт Аверинцева, его интуицию, его видение.

«Кифа»: Не могли бы Вы немного рассказать о совместной работе группы переводчиков? Кто в нее входит?

О. Георгий: Эта группа складывалась не административно, а почти харизматически. Лет шесть назад, когда я понял, что нужно делать переводы непосредственно с греческого, родилась идея — начать собирать с группой профессиональных филологов, молодых членов нашего братства. Я пригласил их к себе, и мы начали регулярно встречаться.

«Кифа»: А есть ли в группе переводчиков специалист по русскому языку? Может быть, кто-нибудь из членов группы пишет стихи?

О. Георгий: Отсутствие поэта мы компенсировали опытом общения с Сергеем Сергеевичем Аверинцевым, у которого было прекрасное поэтическое чувство. То, что он писал прекрасные медитации, поэтические размышления — это всем известно. Кроме того, он до конца своей жизни переводил псалмы, и переводил, на наш взгляд, замечательно. Я всегда ориентировался на него, и именно он нас как раз в большой степени объединил, потому что для всех нас Сергей Сергеевич был живым авторитетом — не внешним, а живым, внутренним. Мы просто сравнивали, что делают другие, переводя библейские или богослужебные тексты, с тем, что делает он, и видели, что переводы Сергея Сергеевича имеют преимущество. Мы могли спорить, спорить, спорить, но если вдруг выяснялось, что то или это — вариант Сергея Сергеевича, то мы переставали спорить, мы, в общем-то, почти всегда с ним соглашались. Хотя не сразу — были моменты, когда мы где-то уходили от его перевода и долго думали, насколько стилистически это подходит для богослужения. Но чаще всего, в конечном счёте, его вариант побеждал.

«Кифа»: Приходилось слышать от некоторых членов переводческой группы, что сейчас достигнут некоторый относительно окончательный вариант, на котором можно успокоиться. Вы с этим согласны?

О. Георгий: Желания что-то поменять будут всегда. Во-первых, нет предела совершенству, во-вторых, есть более сильные части текста, более удачные переводы, но всегда есть и какие-то более трудные моменты — для нас трудные — где, на наш взгляд, надо было бы ещё что-то поискать. И ещё — очень много даёт практика. Всё-таки когда начинаешь употреблять тот или иной текст в богослужении, это очень многое выявляет. У нас среди переводов, естественно, есть тексты, которые мы уже много лет употребляли в личной молитве, а также на вечерне, на утрене, на литургии Иоанна Златоуста, а есть тексты, которые только вводятся в употребление — посмотрим, что это даст. Когда мы сделали первый вариант переводов воскресных тропарей, тропарей и кондаков двенадцатых праздников, я старался обязательно их вводить в богослужебную практику, и к тем текстам, которые я успел ввести, это дало свои очень хорошие поправки. Это показало некоторые недостатки прежних вариантов. Я не исключаю, что могут найтись, особенно в поэтической, песенной части, в каких-то деталях лучшие варианты. Да, это, может быть, не будет касаться главного — я думаю, что в главном мы нашли и меру перевода, и в то же время меру сохранения славянских, каких-то привычных литургических форм текста — и в то же время я полагаю, что жизнь церкви будет уже сама определять дальнейшее: она будет меняться, и какие-то вещи в переводах будут меняться. Это может касаться очень маленьких деталей, а может касаться каких-то более серьёзных моментов. Посмотрим. На сегодняшний день нас радует тот текст, который есть. Когда я в первый раз служил по этой книге, по первому тому, вечером и потом утром — это как раз совпало с праздником Введения во храм Пресвятой Богородицы (в переводе — «Всесвятая Богородица»), сердце радовалось, и молитва шла значительно лучше. Все промежуточные варианты перевода этого не давали. А последний вариант даёт такой результат. Это значит, действительно что-то созрело, и мы достигли цели хотя бы в главном и в целом.

«Кифа»: Моя дочка называет язык этого перевода «церковнорусским».

О. Георгий: Я это для себя назвал русским богослужением. Православное богослужение — это понятие; если это богослужение православной церкви, значит, оно православное. Но есть, скажем, греческое богослужение. А есть русское богослужение. Мне кажется, что у нас получилось найти такие формы выразительности, которые выводят русскую культуру и русский язык на такой уровень, на котором они пока что никогда ещё не стояли.

Беседовала Александра Колымагина



Панихида по Сергею Аверинцеву
в Свято-Филаретовской часовне СФИ
(Фото Евгения Фоминых)

10 декабря академику РАН Сергею Сергеевичу Аверинцеву исполнилось бы 70 лет. В связи с этой датой накануне вечером в часовне Свято-Филаретовского института была отслужена панихида, в которой приняли участие близкие друзья учёного, а также многие из тех, кто видел в нём в первую очередь одного из успешных членов Преображенского Содружества малых братств и члена Попечительского совета СФИ.

10 ДЕКАБРЯ ИСПОЛНИЛОСЬ 70 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ С.С. АВЕРИНЦЕВА

После окончания богослужения, молитвы которого особенно проникновенно звучали в новом русском переводе, профессор-священник Георгий Кочетков сказал краткое слово, вспоминая всех членов братства, чья память, как и память С.С. Аверинцева, оказалась связана с этой датой.

Далее во время небольшой поминальной трапезы собравшиеся с глубокой печалью говорили о том, что творения великого учёного сейчас почти не издаются: не только не осуществляются попытки издать полное собрание его сочинений, но и серийные тематические выпуски, скажем, сборники издательства «Дух и литература», в последнее время перестали выпускаться.

На встрече не один раз вспоминалось до сих пор не слишком широко известное церковное служение Сергея Сергеевича — прежде всего в связи с изданным к юбилею сборником его «Духовных слов». Но не только: ведь по мнению многих, в последние годы в нём чувствовалось потенциальное, хотя так и не вполне раскрывшееся в явном виде, пастирство.

Вспоминала «чтеца Сергея» (а он сам очень хотел, чтобы именно эти слова стояли в его эпитафии) как человека, бывшего в высшей степени именно братом, собравшиеся не только делились этими и другими личными воспоминаниями об С.С. Аверинцеве, но также



Молитва перед поминальной трапезой
в стенах института

говорили о том, как не хватает в наше время его живого, непосредственного, сказанного именно в сегодняшней ситуации слова — всегда точного, глубокого, бесстрашного, одновременно мирного и непримиримого.

МОЯ ВТОРАЯ ВСТРЕЧА С АВЕРИНЦЕВЫМ*

После столь затруднительной первой встречи, как можно догадаться, последующих я не искала, и новых стихов Сергею Сергеевичу не посылала. Так что до второй встречи прошло сколько-то лет. Я читала все, что он публиковал, и старалась попасть на все его лекции, происходившие порою в самых неожиданных местах — например, в Академии Тимирязева (какая пурга была в тот день!) или в обществе философов перед слушанием «Нибелунгов» Вагнера. Я и про Вагнера слушала, хотя даже Аверинцев не мог бы меня привлечь к этим монументальным толмечам. Вагнером я не увлекалась. Сергей Сергеевич тоже впоследствии не любил о нем вспоминать. Но как германofil мог бы обойти Вагнера! Из вагнеровских лекций в памяти моей, как на видео, записан один эпизод:

— И тут Зигфрид... — Аверинцев лукаво умоляет, как бы нища слова... и продолжает, несколько в нос и с немешкой интонацией, "...удалым молодецким движением выпрыгивает из лодки.

Своей гибкой тонкой кистью он делает на этих словах какое-то волнообразное движение, как будто повторяющее этот прыжок. Так должны были бы плавать и выныривать русалки Рейна. Если бы Зигфрид в самом деле прыгнул по такой траектории, берега бы он явно не достиг... И никто на свете не слышал слова «удалой», произнесенного таким образом. И еще помню — про светлые глаза Зигфрида и всего его рода: глаза Победы, Sieg.

Кстати, напомним: Вагнера, как и многих других композиторов разных эпох и стилей, услышать тогда можно было только в записях. Концертный и оперный репертуар был четко и раз навсегда определен. Каждое его расширение — например, исполнение старинной музыки «Мадригалом» Волконского или камерным оркестром Баршай — переживалось как небольшая революция, как акт гражданского мужества. Да и записей многих, многих музыкальных сочинений — точно так же, как текстов Петrarки по-итальянски или Алкуина по латыни (см. «Моя первая встреча»), как альбомов большинства живописцев разных времен — на всю Москву приходилось совсем немного. Благородные обладатели этих сокровищ делились ими с другими — вот причина возникновения общества филолифтов.

Теперь можно задуматься: да зачем же все это у нас отнимали? Зачем же было держать такое огромное войско культурных пограничников, не выпускавших нас по ту сторону «самой прогрессивной культуры» и оттуда никого не пускавших к нам? Что предполагалось, случилось бы, если бы мы услышали на сцене Большого «Дон Джованни», в концерте — Стравинского, на музейной стене увидели, скажем, Шагал и прочитали Элиота по-английски? Да что там, Элиота! — стихи Ахматовой по-русски. Вероятно, «они»-то, те, кто определяли наш умственный рацион, те, кто охраняли эти священные границы, знали, что случилось бы. Мы можем быть им благодарны

за то, что их педагогика (воспитание настоящего советского человека, проводившееся не только в лагерях и тюрьмах, но на всей шестой земной поверхности, начиная с детского сада) позволила нам оценить живую силу всех запрещенных ими сочинений с той свежестью, которая в другом случае была бы невозможна. «Они», устроители спецназмов и составители списков отреченных имен и сочинений, сблизили нас со всеми художниками и мыслителями прошлого невиданным дотоле образом. Прошлое не осталось, выразители и друзья человеческого гения стали нашим настоящим и будущим. Политическим настоящим, подчеркну. Мы, как сказал Аверинцев, чувствовали себя в тайном и страстном сговоре с людьми всех языков и эпох, которым было что сказать. И, несомненно, главой этого «тайного союза», этого всемирного сговора был в те годы никто иной, как Сергей Сергеевич Аверинцев. Великий Магистр Игры свободного и высокого человеческого духа. Кто теперь поймет, что это значило — *несмотря на все* — узнать несколько строк Джона Донна, скажем! И какое братство мгновенно связывало тебя с каждым, кто тоже — *несмотря на все* — узнал Джона Донна!

Все другие вели другую жизнь, знать ее не хотелось, участвовать в ней было уже невозможно, и меч внутренней эмиграции рассекал семьи не только по вертикали, отсекая детей от родителей, но и по горизонтали: брата от брата, сестру от сестры. Может быть, я преувеличиваю, может быть, я говорю только о своем случае и о немногочисленных случаях, похожих на мой, но это «культурное отречение» от наличного мира можно сопоставить с отречением религиозным. Никаких сентиментальных воспоминаний с этим оставленным миром у меня не связано. О нем сказал английский историк: «Сколько надо было пролить крови, чтобы построить этот самый убогий, самый тусклый и бессмысленный мир!»

Не знаю, многие ли из тех, кто проходил ту школу, кто так или иначе состоял в том «тайном сговоре», не передумали в позднейшие годы. Время отмены старых запретов, встреча с новой европейской ситуацией, в авангарде своем контркультурной, бодрое решение «вернуться к реальности» (в практическом значении: к мифу рынка) из иллюзий и туманных сновидений — все это многих заставило с иронией и «отрезвлением» говорить о том, что когда-то было их сокровищем. Могут предположить, что совсем всевозможное для них таким сокровищем («где сокровище ваше, там и сердце ваше») и не было. Сокровище лежало в другом месте (например: принадлежать «элите»), а все эти «ценности культуры» были только способом его достичь. Тогда престижным, а теперь для этой цели совсем неуместным. Но вернемся ко второй встрече. Нет, все-таки еще докажу: наше открытие живое и освобождающей силы того, что совсем неужелюбе называют «культурой», стоит того, чтобы его помнить. Оно не только

наше: вспомните рассказ Примо Леви о том, как он в немецком лагере читал на память дантовский монолог Улисса. Стоит помнить не потому, что «вдруг да еще пригодится» в тех же условиях (не дай Бог!), а потому что это и есть правда о монолог Улисса, о «Дон Джованни», о «слепой ласточке» Мандельштама, правда, которую чрезвычайные обстоятельства только помогли яснее увидеть.

Шум стихотворства и колокол братства И гармонический проливень слез.

Итак, после запрещения университетских курсов Сергей Сергеевич читал только разрозненные и рассыпанные лекции в разных не очень подходящих для этого местах. А услышать его хотели везде. Его почитатели странствовали за ним по Москве — так же, как странствовали за Владыкой Антоном (Сурожским) в его тогда еще регулярные приезды: из одного, обычно окранныго, храма в другой.

Между нашей первой и второй встречей, к рассказу о которой я все еще никак не приступлю, произошло еще кое-что. Мой друг Сергей Хализов, такой же, как я, влюбленный читатель «Византийской поэтики», рассказал мне, как он по случайности оказался в одном вагоне с Аверинцевым, заговорил с ним и познакомился с его первой тетрадью «Старых песен», тогда только что написанной и Сереем же распечатанной. Рассказ Сереем был очарован. Сергея Сергеевича он обнаружил после того, как стал приниматься: откуда бы это в вагоне появился церковный запах. И увидел Аверинцева, который тихонько сидел у окна (вероятно, он только что отстоял службу и пропитался ладаном) и читал карманное издание Евангелия на русском языке. На каждую машинописную страницу он смотрел минуту, не вода взглядом по строчкам, — рассказывал Сереем, — и после этого читал текст наизусть.

Итак, в Институте славяноведения и балканистики возле Белорусского проходила конференция «Двадцать лет структурной школе». Сергей Сергеевич, который вообще держался в стороне от структурализма, в устойчиво благожелательной стороне, тоже был зван. После всех докладов и обсуждений накрыли стол. Идея бежать от моего божества только окрепла во мне после нашей первой встречи — но тут Сергей Сергеевич сам ко мне подошел. Он рассказал, что читал «Старые песни», выразил восхищение, особенно ритмическими находками и словом, читая стих за стихом на память и говоря: Вот это про меня! А это про моих детей! И кончил так:

— В нашей встрече я вижу нечто эсхатологическое.

Тем временем кто-то предложил тост: чтобы все присутствующие вновь собрались в том же составе через двадцать лет.

— Нет! — твердо сказал Юрий Михайлович и поставил рюмку на стол. — Я не хочу в качестве призрака участвовать в ассамблее привидений, и пить за это отказываюсь**. Тогда Сергей Сергеевич предложил свой тост:

— За беспричинную радость! За радость без причины!

— Признак дурачины! — заметил хмурый, как Петр Первый, Борис Андреевич Успенский, который вообще любил подавать реплики в рифму, всегда с большим изумлением. Однажды, когда одна молодая дама у меня в гостях представила ему своего супруга:

— Мой муж...

— Обелся груз! — уверенно закончил Борис Андреевич.

Борис Андреевич говорил, что он, как Державин, «в правде чорт». Так оно и было. Это заметно отличало его от старшего брата, великого логика Владимира Андреевича Успенского, который был неизменно любезен, улыбки и уличных дразнилков отнюдь не употреблял. Когда я как-то сообщила Бориса Андреевича, что читаю Томаса Манна, он удивился:

— А по-моему, Олечка, этот Ваш Томас Манн — немец-переч-коблеса.

Итак, признак дурачины. В ответ на это утешение Аверинцев с удовольствием сказал: — Ну конечно же, я имел в виду эту рифму. Тут вновь возразил Юрий Михайлович:

— Неплохо, чтобы для радости была хоть какая-нибудь причина... Еще веселее ответил Аверинцев:

— Вот именно! Я и предлагаю выпить за дурачину, за дураковатость, за foolishness! Стоит стать foolish, и причин для радости окажется сколько угодно.

— Нет! — с прежней твердостью ответил Юрий Михайлович. — За это я пить не хочу. Этого у нас и так с избытком. Я выпил бы за ум.

Кажется, его предложение никто не поддержал. Выпили без тоста.

Ольга СЕДАКОВА

* Воспоминания О.А. Седиковой «Моя первая встреча с Аверинцевым» были опубликованы в Кифе N 4(19), 2004.

А. Грогос. Лотман был восхищен, прочитав «Москву — Петушки». Бориса Андреевича Успенского, Великого одногокурсника 1956 года, я привела к автору. Великий сразу же вспомнил стихи первокурсника Успенского: «Мы знаем: нету абсолют, Но все ж хотим его искать». Помнил он и стихи другого своего однокурсника, впоследствии язвительного интеллектуала Вл. Муравьева: «И тихий шорох осеней Кору, Так призрачно и долгожданно серых». Итак, Успенский привел в квартиру Великий в Камергерском Лотмана. По рассказам, хозяин к приходу старых гостей был уже мертвецки пьян и нес что-то такое, из-за чего Лотман сказал, что это его последняя встреча с автором сочинения, записанного им в классику. Однако Великий, который, казалось, ничего не видел, хорошо запомнил Лотмана. Однажды, когда кто-то из его шутовской свиты попытался сказать в его адрес что-то нелицеподобное, Великий сурово оборвал его: «Молчи! В одном его уже больше ума и печали, чем во всем, что ты сказал и подумал за всю твою жизнь».

Великий рассказывал, будто он встречался и с Аверинцевым. Будто они втроем (третьей была будто бы NN) прыгали до дождя под платаном и воплощали собой три вечные Тени: Безумец, Бродяга и Блудница. Я не вспоминаю передавала этот рассказ Нине Брандской. Она отчитала меня за «Блудницу», а потом засмеялась.

— Однако: платаны в Москве! Ты что, не поняла, откуда это платан?

— Откуда?

— Из Фидра. Около Афин рос этот платан

Двадцать лет служения церковному возрождению

Продолжение. начало на с. 1,5

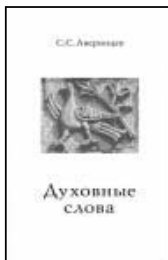
О.С. Попова, доктор искусствоведения, профессор Московского Государственного университета, зав. отделом византийского искусства Государственного института искусствознания МК РФ: «Я давно уже возлагаю большие надежды на ваше сообщество, верю в вашу искренность, преданность делу, которому вы служите, и стойкость. Я думаю, что из ваших рядов выйдут и катехизаторы, и исследователи. Я горжусь дружбой с вашим институтом и думаю — мне выпала большая удача, что я встретила в церковном мире таких людей, каких вижу у вас».

С.Ю. Юрский: «На ваших конференциях, на ваших собраниях вы ставите проблемы, которые глубоко трогают мое сердце. Но они и пробуждают мою мысль, за что я безмерно благодарен. «Вера без деяний мертва». Но вера без мысли если не слепа, то, во всяком случае, поспешивает».

Есть два понятия, которые сложно переплести: христианство и гуманизм. Православие и гуманизм. Мы не должны забывать, что мир старше христианства. Тот самый мир, который создан Богом, а значит, и Иисусом Христом, старше христианства. И потому сегодня меня бесконечно тревожит отрицание во многих уже случаях того, что называется гуманизмом, просвещением, наукой, культурой, «эпохой Возрождения». Перечень может быть продолжен. Я не буду сейчас приводить примеры, вы их знаете, и мы их обсудим еще вместе. Но вся деятельность вашего института, ваших «ветвей», отходящих от его ствола — ваших братств, есть противитавление рук ко всем понятиям, которые я назвал. Прежде всего — к слову «культура».

Православие не может быть замыканием в себе. Православие — расширяющая вера, а не обрубаящая всё, что может показаться чуждым. Этому я учусь у вас, дорогие мои братья и сестры. Я убежден, что именно поэтому с вашим институтом связаны такие светлые умы как выдающийся просветитель и философ С.С. Аверинцев — в прошлом. Как ныне с ним сотрудничают такие светлые умы как Ольга Седлакова. Что главным пастырем этого института и создателем его является просвещенный человек, церковный человек, священник Георгий Кочетков.

Я горжусь тем, что мы связаны с вами уже довольно много лет. Я безмерно благодарен вам, что вы будите мою мысль, что вы укрепляете мою веру, что вы творите очень смелое и необходимое в сегодняшний день дело.



Всю жизнь он исследовал прошлое, но наследие его принадлежит будущему.

К 70-летию академика С.С. Аверинцева в издательстве Свято-Филаретовского института вышла книга «Духовные слова».

Это сборник слов и проповедей, сказанных С. Аверинцевым в разное время по разным поводам. Их объединяет одно: все они обращены к членам Преображенского братства (в которое входил и сам Сергей Сергеевич) — прихожанам разных храмов, восстанавливавшихся братством на протяжении многих лет (сначала Троицкого храма г. Электроугли (1990 г.), затем — собора Владимирской иконы Божией Матери в Серетенского монастыря в Москве (1992–1993 гг.), ещё позже — храма Успения Пресвятой Богородицы в Печатниках (1994–1996 гг.)), а также студентам и преподавателям Свято-Филаретовского института, открытого в 1988 г., на заре советской власти, ещё неофициально, и по сей день поддерживаемого тем же братством.

Конкретность и определённая камерность аудитории (если это понятие приложимо к сотням и даже тысячам человек, которые были постоянными слушателями данных «Слов») не означает, что эти «духовные слова» актуальны лишь в локальном, ограниченном контексте и имеют такое же сугубо местное значение и смысл. Впрочем, Аверинцев и не умел говорить лишь в ограниченном контексте. Всякое его слово, речь могли начинаться с любви, пусть даже мимолётной и как бы даже незначимой мысли, — если только она была способна дать импульс новому пути, прокладываемому в безвидном хаосе невежества и бессмыслицы, — но сама эта речь уже никогда не оставалась в пределах лишь «местного значения». Удивительно, но при этом эта речь никогда не теряла и предельной ясности, непостижимо немислимой (для такой широты охвата тем и смыслов) и одновременно всегда зримо конкретной.

«Духовные слова». Почему именно «духовные»? Разве прочие слова, что произносил и писал Аверинцев, были не-духовными или без-духовными? Наверное, какое-то пояснение дают некоторые из его стихов, также именуемые самим автором «духовными». В этом именовании нет — резонно ожидаемого — противопоставления: духовного — светскому, мирскому; сакрального — профанному. Ему было чуждо само такое противопоставление. Для него оно означало бы то, что некая предельно важная сфера жизни, часть мира, имеющего смысл, «выбрасывается вовне», объективируется, лишается той самой осмысленности, которая и сообщает ей оправдание, даёт подлинное право на существование. Но почему же всё-таки «духовные»?

Здесь, наверное, заключалась особая задача, актуальная именно для нашего времени. «В наше время все слова уже сказаны», скорбно замечал Аверинцев. Эти же слова были эпатажно подняты на знамя постмодернизмом. Как же являть, высвобождать живительные смыслы из слов, если все они уже произнесены? Тем более из слов действительно священных, но в эпоху, в которой не осталось почти ничего священного? В этой ситуации ставка на «духовность» слова — как бы заведомый проигрыш, сознательный уход из громко заяв-

«СЕРГЕЙ АVERINCEV, ЧТЕЦ»

ляющей себя нынешней «повсюду-здесьней», «посюсторонней» действительности в некую «потустороннюю», и значит неизбежно маргинальную, несовременную, мёртво-музейную «духовность». Но это не проигрыш, это особый манёвр, военная хитрость. Хитрость глубоко традиционная. И подлинно христианская. Это — юродство, как бы опрощение, кеносис, которое одно даёт возможность говорить тогда, когда никто не хочет — или уже не может — слышать. И оно действительно способно преодолевать невежество неслышания — даже в наше «глухое» время.



Одно из таких слов Сергея Сергеевича, сказанное более десяти лет назад, глубоко врезалось в память. Это была проповедь на евангельскую притчу — о человеке в не брачной одежде (Мф 22:1–14). Аверинцев как обычно точно и деликатно, постепенно расправляя-раскрывая внешние одежды евангельского слова, чтобы донести до слушателей всю многогранность сокрытого под ним смысла. Так, он указал на следующую парадокс: с одной стороны, в притче Царь приглашает всех, кого только можно найти даже на самых «концах улиц». Это свидетельство милосердия и снисхождения, божественной широты и кеносиса. С другой стороны, будучи призван на царский пир, человек уже не смеет явиться в одеянии не брачном. Он введён в присутствие Царя, и отныне его священная обязанность — соучаствовать в священнодействии, даже самым видом, образом своим. Но как часто, уже обретя это призвание, мы из ложного смирения или по духовной лени и инерции не хотим меняться! Мы просто требуем от Бога принять нас такими, какие мы есть: «Мы говорим Богу: прими меня таким, каков я есть...» Эти слова Аверинцева прозвучали с такой неожиданной силой и таким негодованием, что эхо их по-прежнему отзывается в памяти. В этом была его уникальная человеческая черта: будучи — даже по одному внешнему виду — человеком тихим и застенчивым, негромким и безобидным, он почти срывался на крик, когда речь заходила о вещах важнейших, о которых невозможно было смолчать — или просто говорить мерно и спокойно. И это не был риторический приём.

Это был важнейший принцип его собственной жизни. Будучи телесно очень немощным человеком, он прекрасно понимал и всю немощь человеческую. Постоянно (в том числе в «Духовных словах») говорил о своей малости («я — человек очень маленький») и недостойности («боль-

шие — только мои грехи»). Это не было лишь общим христианским местом или, тем паче, «смирительно-голаголанием» (уж он-то прекрасно понимал это традиционное искушение!). Великим его делало сознание звания и призвания Божьего, которое обращено к каждому человеку. В котором исполняется предназначение человека, тайна его личности: «... на границе божественного и человеческого, в благодати, человеческая личность отнюдь не стёрта благодатью, но в благодати явлена так живо и отчётливо, как это без благодатной помощи не было бы» («О св. Григории Богослове», с. 35). И, будучи призван, человек не смеет (именно так!) оборачиваться, как Лотова жена, на свои грехи и немощи, или, не дай Бог, выставлять их в качестве аргумента в тяжёлом самооправдывании пред Богом. В самооправдании своего бездействия, не-подвижничества, не-взятия своего креста, желания тихой и спокойной христианской жизни, в конце концов. «Не велено!» — так повторял Сергей Сергеевич, когда его спрашивали о том, зачем ему понадобилось настолько тесно связывать свою жизнь с Преображенским братством, Свято-Филаретовским институтом, входить в самую гущу церковной жизни, наживая себе при этом настоящих врагов, в том числе из высшего начальства? Зачем было связываться со всем этим — когда, казалось бы, сама судьба его предполагала тихую размеренную жизнь кабинетного учёного в «очаровании отражённых культур»? Потому что — «не велено».

Так он и жил, неустанно продолжая «прокладывать мосты над реками невежества», пусть даже «они постоянно меняют русла» (цитата из одного из последних интервью). Скрепляя постоянно склоняющуюся к без-образу безвидности и пустоты первичного хаоса мир — скрепами действительного слова-смысла, логоса. Прокладывая свои речи-пути, высветляющие сумрак невежества. Продолжая «будить землю» своими «небесными стихами» — подобно тому как Небесный Сеятель бросает в землю Свои семена, огненные семена духа. Без духа от слов остаётся лишь буква, мёртвые черепки. Устах которого — участь сосуда, разбитого жёстким горшечником. Аверинцев прочитывал «давно сказанные» слова так, что в них (и от них) возгорался древний огонь. По некоторым личным свидетельствам, он и в эпитафии на своей могиле желал иметь указание на «ниснигно» чтеца, несомненно дарованному ему свыше: «Сергей Аверинцев, чтец». Он старался донести, разделить с другими людьми слово-смысл (слово должно быть членом-разделным: «Мир членоразделен», как членораздельно «Слово», вызвавшее его к жизни»), как божественное Слово, Логос, до конца желая разделить Себя среди людей.

Насколько это удалось ему при жизни? Сложно судить. Слишком незначительная ещё наша перспектива, с которой можно было бы делать какие-то значимые оценки. Поэтому С.С. Аверинцев несомненно принадлежит будущему. По-христиански же, отдавая дань точности его собственного слова, мы обязаны свидетельствовать: не только будущему, но и последним временам, эсхатону, в котором только и исполнятся вся правда, мир и радость, смысл, любовь и свобода.

Максим ГРАНЕВКО

*Аверинцев был неотступным ходатеем перед священноначалием во время гонений на свящ. Георгия Кочеткова и братство в 1997–2000 гг. и лично содействовал снятию прений с о. Георгия и 12 членов братства

НА САЙТЕ GAZETAKIFA.RU ВЫ МОЖЕТЕ НАЙТИ ОСНОВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ НОВЫХ НОМЕРОВ И АРХИВ ГАЗЕТЫ ЗА 5 ЛЕТ



ИЗДАНИЕ
ПРЕОБРАЖЕНСКОГО
СОДРУЖЕСТВА БРАТСТВ

Учредитель: Региональная общественная организация «Культурно-просветительский центр «Преображение»

Адрес редакции и издателя: 105062, г. Москва, ул. Покровка, д. 29, стр. 1
Тел./факс: (495) 624-92-50

Электронный адрес редакции: kifa@list.ru
Электронная версия газеты: http://gazetaki.ru

© ООО «Преображение». Все права защищены

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов

Главный редактор: А.В. Колымагина
Зам. гл. редактора: А.А. Буров

Над номером работали: Анастасия Наконечная, Елена Шевелева, Дмитрий Матвеев, Владимир Лидский

Газета зарегистрирована Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-24541 от 2 июня 2006 г.

Иллюстратор: Татьяна Аразян
Дизайн: Андрей Мареев
Верстка: Татьяна Тыртыш, Анна Лепехина

Отпечатано в типографии «Элф», г. Москва, ул. Тацкая, д. 5. Тираж 1500. Цена свободная. Выпуск подписан в печать 19 декабря 2007 г. Время подписания в печать: по графику — 9.00, фактическое — 9.00. Дата выхода в свет 21 декабря 2007 г.

Нашу газету можно приобрести в Москве: в редакции (в настоящее время находится в помещении СФИ — ул. Покровка, д. 29, оф. 38); в Санкт-Петербурге: в магазине «Слово» (ул. Малая Конюшенная, д. 9).

Подписной индекс в агентстве Роспечать — 19601

Телефоны распространителей
Москва: (495) 314-2596 (Александра Ошарина), 131-4769 (Ольга Филиппова), 8-916-114-6737 (Ольга Орлова), 158-9116 (Валерия Волкова), 342-6306 (Марина Чиркова); Санкт-Петербург: 8-921-755-9926 (Анастасия Наконечная); Архангельск: 8-902-196-4013 (Андрей Подорож);

Воронеж: 8-950-763-50-35 (Александр Терехов); Сероводинож: 8-921-299-7687 (Нина Портнова); Тьверь: 8-(4822)-50-2308 (Олег Ермолаев); Тула: 8-(4872)-37-5782 (Марина Писаревская); Электросталь: 8-926-787-43-05 (Ольга Кузнецова)